

УДК 821.161.3

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА

Ключевые слова: архетип, авторская сказка, архаический сюжет, Владимир Короткевич.

В статье анализируются философские и морально-эстетические аспекты сказки Владимира Короткевича «Ужиная королева», в основе которой лежат мифологические образы. Выявляются черты, характерные для авторской сказки в общеевропейской традиции, а также жанрово-стилевые особенности произведения известного белорусского автора.

Владимир Короткевич рассматривал устное народное творчество как источник интересных литературных сюжетов, которые стремился воплотить в своих произведениях. Мифологические мотивы и образы пронизывают многие романы, повести автора, а также широко представлены в его малой прозе. Обращался Владимир Короткевич не только к созданию исторической прозы разных жанров, но и к написанию волшебной сказки.

В творчестве известного белорусского писателя примечательное место занимает сказка «Ужиная королева». Как отмечают исследователи биографии автора, эта сказка была рассказана Владимиру Короткевичу его дедом. И на самом деле, несколько вариантов народной сказки о замужестве обычной девушки с королем уже были зафиксированы на территории Беларуси. Сюжет этой сказки можно назвать архаическим. Исследователи мифологии, в частности Т.И.Шамякина, относят образ Змея к древним архетипам, который встречается почти во всех культурах народов мира.

В сказке «Ужиная королева» кроме главной героини раскрыт образ Змея, также присутствует ритуал. Как правило, миф связан с определенным ритуалом, – символичное замужество человека и Змея. В древних обществах с сильными тотемистическими представлениями заключалось ритуальное замужество весны и Солнца, осени и Змея. Ритуал представлял собой своеобразный договор со Змеем: как свидетельствуют отдельные фольклорные источники, девушку сажали на украшенный плот и пускали по реке, в случае, если плот тонул, замужество считалось заключенным, и после этого люди ждали милосердия от короля подземного царства. В своем произведении Владимир Короткевич раскрывает ритуал на уровне художественного символа. Автор употребляет приём мифологической реконструкции: “Падплыў да берага дубовы човен, аплецены белаю лілеяю, і павезлі яе цераз раку, цераз межатокі дрыгвяныя, дзе толькі аднаму вузкаму палескаму чоўну плысці. К захаду сонца прыплыў човен на далёкую выспу. Уся яна пушчаю дрымучай абрасла, хмелем перавілася, павуціннем пераблыталася. І сярод гэтага царства мертвага, бязладзя суворага стаіць палац закінуты з дзевяццю вежамі, а вакол яго па ставу нячутка плаваюць чорныя лебедзі. І ўсё як быццам сон здушыў: ціха, як на могілках” [1, с.41]. Каждая деталь этого описания – фантазийная, выдуманная автором, но, вместе с тем, сохраняет уникальный колорит, выявляет специфику мифологического мышления. Например, примечателен образ реки, которая в мифологическом представлении отделяет царство мертвых от царства живых. Создает таинственную сказочную атмосферу указание на безлюдность, могильный сон, черных людей.

У Ялины и короля ужей рождаются дети – сыновья Дуб и Ясень, дочери – Берёза и Осина. Народная сказка не акцентирует наше внимание на внешности детей, а вот для Владимира Короткевича это имеет принципиальное значение: «Старэйшы, Дуб, моцны быў, каржакаваты, моц сваю пытаць любіў. Бязрозка была пшчотная, і з вычэй быццам святлом ззяла. Ды й Асінка была прыгожая: ломкая гэтка, пужлівая, тоненькая» [1, с.44]. Безусловно, это пример соединения литературно-романтического сюжета с мифологическо-архаическим. Смысл этой сказки имеет глубоко философский подтекст: только настоящая любовь способна сделать из чудовища человека, а жизнь без любви – как магия злой ведьмы, как могильный сон.

В сказке белорусского автора любовь Ужа и Ялины испытывается расставанием. Уж отпускает Ялину домой, чтобы она проведала своих родных и близких. Её братья жалеют сестру и хотят, чтобы у неё была лучшая доля. Желая помочь, они пытались узнать у детей, где отец, но так и не смогли ничего сделать. На крик своего дяди «У, змяіныя вырадкі!» Ясень отвечает: «Чаго лічыць, хто ад каго нарадзіўся. У нас бацтка змей, а справы чалавечыя, а ў вас бацькі людзі, а ўчынкi вашы, як у змей» [1, с.46]. Попыток не выдерживает младшая дочка Осинка и рассказывает, где отец. Братья Ялины убивают его. Ялина чувствует, что произошло несчастье и просит мать отпустить её к мужу. Она обвиняет себя в том, что не любила его раньше, а только жалела. Ялина находит мужа, видит, что он умирает и клянется ему в любви. И происходит настоящее волшебство: «Расплылася кала-

мутая вада, некуды збеглі крываваыя струмені і стаў бачны чысты вір з белым пяском, а на дне яго пад крышталнай вадой ляжыць цудоўнай прыгажосці юнак у блакітным адзенні з срэбрам, з залатой каронай на галаве. І чуе Яліна голас мужа: “Вось і скончылася ўсё на свеце белым. Зачараваў мяне, прынца гэтага замка, злы чараўнік, і тады толькі змог я ператварыцца ў чалавека, калі самым моцным каханнем пакахае мяне, халоднага вужа, самая лепшая з прыгажунь чалавечага роду. Спазнілася гэтае каханне, няма ўжо паратунку, але сонцу кажу я “дзякуй” за тое, што здолеў абудзіць яго, гэткае каханне, хоць перад смерцю, хоць на гадзінку, на міг адзіны. На усё халоднае жыццё гэтага хопіць. Дзякуй табе, і за смерць маю таксама дзякуй”» [1, с.48].

Этот кульминационный момент интересен с разных точек зрения. В нескольких вариантах народной сказки раскрыт мотив финального убийства героя, обращенного в ужа, в авторской сказке смысловые акценты расставлены несколько иным образом: любовь девушки помогла вернуть человеческий облик, тем самым показав, что любят не за внешность, а за другие качества. Владимир Короткевич соединяет фольклорную и литературную европейскую традиции: Ялина всего однажды видит настоящую внешность героя. А потом мы сталкиваемся с загадкой, которую загадывает читателю автор: с одной стороны, уж рассказывает о своей дальнейшей холодной жизни, с другой стороны, упоминает про смерть. Следует объяснить эту смысловое противоречие. На первый взгляд кажется, что такая амбивалентность действий является полным нарушением формальной логики, но на самом деле раскрывает специфику мифологического мышления.

Змей – хтоническое существо, а значит, связан с землёй. Земля, с одной стороны, олицетворяет царство мертвых, с другой стороны, дает жизнь всему в этом мире. Иначе говоря, змей является человеком, потому что его родила Земля. Кроме этого, священный союз человека со змеей принимает различные материальные формы, например, человек может испытать превращение. Не случайно сама Ялина и её дети превращаются в деревья. Дети-деревья принадлежат солнцу и небу, но растут из-под земли – царства своего отца-змея.

В конце сказки Владимир Короткевич не случайно обращает наше внимание на то, что человеческие характеры описанных героев – Дуба, Берёзы, Осины некоторым образом связаны с качествами одноимённых деревьев. Такое значение полностью соответствует мифологическому мышлению с присущим ему анимизмом. Например, показательно авторское описание осины: «А на краі балота стаіць усімі клятая асіна. Ніякае дрэва не плача так, калі апынецца ў печы. Шчэ далека дні восені і халады, а яна ўжо чырванее, загадзя перад усім схіляецца – значыць, поскудзь-дрэва» [1, с. 48]. Одновременно Владимир Короткевич высказывает свою морально-этическую точку зрения по поводу рабской психологии некоторых людей.

Таким образом, следует отметить, что волшебная сказка «Ужина королева» в авторской интерпретации сохраняет черты мифологического мышления, выявляет некоторые особенности, которые роднят её с общеевропейской традицией. Вместе с тем, Владимир Короткевич раскрывает архаичский сюжет по законам современной беллетристики, активно включает диалоги, использует приём мифологической реконструкции. Авторское новаторство не нарушает общей мифической атмосферы, а, наоборот, делает её в значительной степени правдоподобной, притягивает внимание читателя. Творческое мышление писателя актуализирует философский смысл, морально-этические принципы, отображенные во многих произведениях известного белорусского автора.

Літаратура

1. Караткевіч, У.С. Збор твораў: у 8 т. / У.С. Караткевіч ; рэдкал.: С.А. Андраюк [і інш. ; аўтар прадмовы В. Быкаў]. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1987–1991. – Т.2. : Аповесці, апавяданні, казкі. – 1988. – 511 с.

P. Stepanova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail:sanvit27@gmail.com

Mythological fairy-tale by Vladimir Korotkevich

Key words: mythological fairy-tale, archetype, literary fairy-tale, archaic subject, V. Korotkevich.

In this article we study the fairy-tales by V. Korotkevich, analyze important philosophical, moral and aesthetic problems which are based on myths and legends; find out the typical traits of common European style and, of course, the peculiarities of narrative and generic structure of Korotkevich's creative work.